

Некрологъ.

Текущій 1897^г академическій годъ омрачился цѣлымъ рядомъ скорбныхъ утратъ, понесенныхъ Харьковскимъ университетомъ. Скончались состоявшіе на дѣйствительной службѣ профессора: Богомоловъ, Безсоновъ, Цѣхановецкій, Даневскій и Грубе. Окончили свое земное поприще заслуженные дѣятели, которыхъ служеніе университету относится къ болѣе или менѣе отдаленному прошлому. Это именно: Гордѣнко, Палюмбецкій, Чернай и Н. Θ. Леваковский, бывшій профессоръ Казанскаго университета, начавшій свою учено-преподавательскую дѣятельность въ Харьковскомъ университетѣ.

Егоръ Степановичъ Гордѣнко.

химик

† 5-го марта 1897 г.

Помѣщаемъ некрологъ покойнаго, написанный проф. Н. Θ. Сумцовымъ и напечатанный въ „Харьковскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 7-го марта 1897 г.

Скончавшійся 5-го марта Егоръ Степановичъ Гордѣнко былъ личностью въ высшей степени своеобразной и оригинальной. Громкое имя! Много разъ оно гремѣло въ періодической печати въ моменты наибольшаго напряженія общественной и государственной жизни. Были отзвуки его даже въ заграничной печати. До глубокой старости Е. С. сохранялъ живые общественные интересы. Малороссъ по происхожденію, Е. С. по характеру приближался къ великороссамъ.

Въ немъ въ высшей степени была развита великорусская національная черта—практическая разсудочность или, что одно и то же, большой дѣловой умъ; при такомъ умѣ для чувства или воображенія оставалось мало мѣста. Общественный дѣятель по

природѣ, боецъ по призванію, Е. С. имѣлъ особенно сильное тяготѣніе къ земской и городской дѣятельности. Просто удивительно, какъ могла вырасти и воспитаться, при нашей общественной безпѣвѣ, такая настойчиво-гражданственная натура. Въ теченіе своей многолѣтней жизни онъ постоянно трудился, служилъ сначала Харьковскому университету, а по выходѣ въ отставку въ разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ Царемъ-Освободителемъ въ періодъ реформъ, былъ городскимъ головой, земскимъ гласнымъ, дѣятельнымъ участникомъ барановской желѣзнодорожной комиссіи, комиссіи свѣдущихъ людей. Вездѣ онъ выступалъ съ обстоятельными, дѣловыми, смѣлыми, подчасъ даже рѣзкими докладами. Многія его статьи и записки были въ свое время напечатаны въ думскихъ и земскихъ журналахъ; многія остались въ рукописи. Въ настоящее время невозможно въ точности опредѣлить реальную сторону его общественной дѣятельности. Болѣе всего Е. С., намъ такъ думается, заслуживаетъ доброй памяти за то, что онъ постоянно будилъ и поддерживалъ общественную самодѣятельность, вносилъ духъ критики и смѣло ратовалъ противъ наглыхъ проявленій капитализма. Е. С. былъ человѣкъ инициативы, почина. Онъ впервые изслѣдовалъ Славянскія солончаковыя озера, впервые устроилъ въ Харьковѣ заводъ искусственныхъ минеральныхъ водъ, однимъ изъ первыхъ высказался за гласное судопроизводство, поднялъ и настойчиво въ теченіе немногихъ лѣтъ велъ борьбу съ желѣзнодорожными и банковыми злоупотребленіями. Извѣстно, какъ много онъ хлопоталъ объ устройствѣ въ Харьковѣ технологическаго института, о поднятіи кустарныхъ промысловъ, о раціональной постановкѣ рабочаго вопроса, путемъ съ одной стороны награжденія прислуги за выслугу многихъ лѣтъ у однихъ хозяевъ, съ другой—путемъ созданія рабочаго дома или общественныхъ арестантскихъ ротъ для помѣщенія въ нихъ празношатающихся профессиональных нищихъ.

Е. С. Гордѣнко родился въ 1812 г. въ г. Ахтыркѣ въ семьѣ зажиточнаго помѣщика. Въ автобіографіи Е. С. говоритъ, что отецъ его былъ очень скупъ, постоянно твердилъ: „держи копѣйку на черный годъ“ и строго обращался съ дѣтьми, никогда не ласкалъ, не хвалилъ, а напротивъ выискивалъ поводы, чтобы сдѣлать выговоръ. Е. С. учился сначала въ Ахтырскомъ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ въ Харьковской 1-й гимназіи (тогда единственной) и, по желанію отца, уже съ третьяго класса долженъ былъ самъ содержать себя, занимаясь перепиской бумагъ и репетиторствомъ. Любопытно, что у отца въ деревнѣ въ то время деньгами былъ наполненъ хлѣбный закрома въ амбарѣ и деньги зарыты были въ ямѣ подъ поломъ. Такую суровую

школу прошелъ въ дѣтствѣ Е. С. „Мы воспитывались въ страхѣ Божіемъ и родительскомъ, говоритъ Е. С. въ автобіографіи, безъ принциповъ новѣйшей педагогіи“, и добавляетъ—„и я не имѣю права скорбѣть объ этомъ“. Можетъ быть, послѣдующая исторія и разойдется въ этомъ отношеніи съ мнѣніемъ покойнаго, внушеннымъ, очевидно, чувствомъ сыновняго почтенія.

Въ Харьковскомъ университетѣ Е. С. пробылъ съ 1828 по 1832 г., по медицинскому факультету. Благодаря содѣйствію помощника попечителя Панина, Е. С. былъ командированъ за-границу на казенный счетъ. Нѣсколько лѣтъ онъ провелъ въ научныхъ занятіяхъ въ Германіи, Франціи, Англіи и Швеціи. Въ Стокгольмѣ онъ слушалъ лекціи у знаменитаго химика Барцеліуса, бывалъ у него на дому и однажды здѣсь встрѣтился и познакомился съ кронъ-принцемъ шведскимъ Оскаромъ. „Видѣлъ я въ Стокгольмѣ и короля Бернадота“, замѣчаетъ Е. С. въ автобіографіи. Какой стариной вѣетъ отъ этого замѣчанія!

Возвратившись въ Россію, Е. С. занялъ каѳедру химіи въ Харьковскомъ университетѣ. По выслугѣ 25 лѣтъ онъ вышелъ въ отставку, при чемъ университетъ тогда же наградилъ его званіемъ почетнаго члена. Для науки Е. С. мало работалъ, и слишкомъ трудно было тогда научно работать по химіи при отсутствіи лабораторіи, при крайней бѣдности средствъ. Но къ университету Е. С. всегда относился съ уваженіемъ и дорожилъ своими связями съ его представителями, при чемъ если расходился съ одними, то начиналъ тяготиться отрѣшенностью отъ университетской коллегіи и разыскивалъ для себя въ ней новыхъ собесѣдниковъ, обходя при этомъ отдѣльныя личности, которымъ не симпатизировалъ по общественнымъ и политическимъ соображеніямъ.

Кромѣ перваго научнаго путешествія, Е. С. еще дважды ѣздилъ за-границу. У меня были подъ руками черновыя замѣтки его изъ второй поѣздки, частью перомъ, часть карандашемъ. Любопытнѣйшая черта этихъ замѣтокъ—общественный хозяйственный характеръ. Природы, искусства, науки—ни малѣйшаго слѣда. Въ прекрасныхъ странахъ западной Европы Е. С., бывшаго тогда городскимъ головой, интересовало лишь устройство водопроводовъ, мостовыхъ, троттуаровъ. Вездѣ мѣра, расчетъ, вычисленія, чисто хозяйственное начало.

Общественная и публицистическая дѣятельность Е. С. вполне можетъ быть отсѣнена нескоро, черезъ 20 лѣтъ, когда Харьковскій университетъ издастъ тѣ матеріалы, которыми онъ нынѣ владѣетъ и которые, по волѣ Е. С., могутъ быть опубликованы лишь черезъ 20 лѣтъ. Много воды утечетъ за это время и многое такое, что теперь могло бы имѣть живое общественное значеніе, тогда будетъ имѣть лишь значе-

ніе историческое. Многое и нынѣ въ дѣятельности и въ статьяхъ Е. С. имѣетъ лишь историческое значеніе, напр., его многочисленныя статьи противъ К.-Х.-А. желѣзн. дор. и Полякова, статьи о технологическомъ институтѣ. При всемъ томъ, весьма многое изъ того, о чемъ писалъ Е. С., что трогало и глубоко волновало его, полно живѣйшаго современнаго интереса, и особенно всѣмъ намъ дороги его заботы о поднятіи народнаго благосостоянія и просвѣщенія путемъ свободнаго обсуждения народныхъ нуждъ, поддержки честнаго труда и созиданія земскихъ школъ.

Проф. Н. Суминовъ.

Приводимъ надгробныя рѣчи, произнесенныя проф. А. П. Шимковымъ и Д. И. Багалъемъ.

Проф. Шимковъ сказалъ слѣдующее:

Свершилось неизбежное!

Мы стоимъ у бездыханнаго трупa Егора Степановича Гордѣенко и молимся объ упокоеніи его души. Какъ много говорить это, вблизи и вдали многимъ знакомое имя, какой глубокой смыслъ въ этомъ моленіи объ упокоеніи души, которая всю долгую жизнь волновалась и страстно боролась, которая не хотѣла поддаться немощамъ наступившей старости, которая и въ послѣдніе годы ярко свѣтилась по временамъ въ потухающемъ уже взорѣ! Рѣдко кому удастся, какъ это удалось усопшему, наполнить длинную, 85-лѣтнюю жизнь разнообразною дѣятельностью въ разныхъ сферахъ и направленіяхъ общественной жизни. Едва перешагнувъ черезъ двадцать лѣтъ, онъ уже занимаетъ каеэдру въ нашемъ Харьковскомъ университетѣ послѣ долгой и усердной подготовки къ ней дома и въ западной Европѣ,—и занимаетъ ее съ честью въ теченіе 25 лѣтъ. Служить съ честью университету и наукѣ въ то время было труднѣе, чѣмъ теперь — и усопшій несомнѣнно принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ его сослуживцевъ, которые неуклонно служили идеямъ правды, добра и чести, которые никогда и ни въ чемъ не измѣняли имъ. Оставляя службу въ университетѣ въ концѣ 50-хъ годовъ, въ цвѣтѣ лѣтъ и умственной жизни, онъ сохранилъ съ нимъ тѣсную связь и поддерживалъ съ представителями его постоянныя сношенія; все совершавшееся въ университетѣ, всѣ радости и горести нашей *almae matris* онъ почти до послѣднихъ дней переживалъ съ нами, и въ его бодрствующемъ умѣ, въ его отзывчивой на всѣ общественныя явленія душѣ мы, младшее, по отношенію къ нему, поколѣніе профессоровъ, нерѣдко черпали бодрость и силы. Сохраняя связь

съ университетомъ, усопшій въ тоже время, которое совпало съ великими преобразованіями Царя-Освободителя, выступилъ на общественную арену. Здѣсь мы встрѣчаемъ имя его всюду: и въ комитетахъ по крестьянской реформѣ, и въ новомъ судѣ, и въ созданномъ вновь земствѣ, и въ преобразованномъ городскомъ самоуправленіи. Въ теченіи шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ имя Егора Степановича раздается всюду,—и эти годы составляютъ несомнѣнно самыя блестящія годы его дѣятельности какъ въ мѣстныхъ общественныхъ, такъ и въ государственныхъ дѣлахъ; вездѣ онъ пользовался большимъ и вполне заслуженнымъ авторитетомъ. Съ мнѣніемъ Егора Степановича можно было часто не соглашаться, его можно было оспаривать, но его нельзя было не выслушать съ глубокимъ уваженіемъ, потому что это было мнѣніе независимаго и честнаго гражданина, которое намъ такъ рѣдко пока приходится выслушивать. Въ Харьковѣ усопшій несомнѣнно стоялъ въ челѣ общественной работы; куда онъ ни входилъ, всюду онъ вносилъ глубокое сознаніе общественнаго долга и вполне безкорыстное отношеніе къ дѣлу; куда онъ ни входилъ, туда же входили вмѣстѣ съ нимъ осторожное, добросовѣстное, бережливое отношеніе къ общественному достоянію и возбужденіе къ самодѣятельности, въ которой усопшій усматривалъ единственный залогъ общественнаго обновленія и избавленія отъ многихъ золъ. Былъ онъ по нѣсколько лѣтъ председателемъ уѣздной земской управы, городскимъ головою, почетнымъ мировымъ судьей, земскимъ и городскимъ гласнымъ, членомъ множества комиссій, обществъ, собраній, съѣздовъ,—и всюду его влечетъ не преслѣдованіе личныхъ или служебныхъ цѣлей, а призывъ къ исполненію общественнаго долга; имѣя все для полнаго эгоистическаго успокоенія, занимая высокое, обезпеченное и независимое положеніе въ обществѣ, онъ не успокаивается, какъ громадное большинство; поставленный въ такія условія, онъ занимается дѣлами и выдерживаетъ горячую, подъ часъ страстную борьбу съ учрежденіями и лицами, которыя съ его интересами вовсе не прикасались, но въ которыхъ онъ видѣлъ угрозы и опасности для общества. У усопшаго какъ будто не существовало собственныхъ, личныхъ и служебныхъ интересовъ, онъ весь былъ поглощенъ общественными дѣлами, которымъ много и послужилъ за свой длинный вѣкъ. Это, несомнѣнно, рѣдкое явленіе у насъ; этимъ усопшій несомнѣнно рѣшительно выдѣляется среди своихъ современниковъ.

Утрата такого образца общественнаго служенія, утрата такой дѣятельной силы, такого безкорыстія—есть утрата тяжелая, можетъ быть не скоро вознаграждаемая. Гдѣ найти этотъ громадный авторитетъ

зоркаго ума, сильной воли и безупречнаго общественнаго служенія въ теченіе долгихъ лѣтъ, кто сможетъ восполнить намъ эту тяжелую утрату?

Со смертію человѣка, не все однако хоронится въ землю: все, совершенное усопшимъ на пользу общества,—всѣ его дѣла, его мысли, оставленныя имъ впечатлѣнія и воспоминанія,—все это остается, какъ наслѣдіе его. Мы не имѣемъ права забыть этой долгой, трудовой жизни, не могутъ забыть ее тѣ многочисленныя общепользныя учрежденія, которыя созданы или поддержаны имъ и въ которыхъ онъ оставилъ о себѣ прочное, неизгладимое воспоминаніе. Не можемъ, не имѣемъ мы права забыть эти заботы и тревоги, которыми наполнена жизнь усопшаго, которыя волновали его душу. Онъ несомнѣнно стяжалъ себѣ право на вѣчный упокой и вѣчную память.

Миръ праху усопшаго Егора Степановича!

Вѣчная ему память.

Проф. *Багалъ* произнесъ слѣдующее:

Смерть всякаго человѣка составляетъ тяжелую утрату для тѣснаго круга его семьи и друзей, но иногда этотъ кругъ расширяется далеко за предѣлы семьи и домашнихъ, захватываетъ цѣлыя общественныя слои, массу людей, которые лично не знали покойника. Такимъ покойникомъ является тотъ, у гроба котораго мы собрались сегодня, чтобы проводить его останки на мѣсто вѣчнаго упокоенія. Здѣсь въ этомъ тѣсномъ залѣ мы видимъ представителя власти, сословныхъ представителей, дѣятелей университета и другихъ Харьковскихъ учреждений; отозвѣтся его смерть и во всей мыслящей Россіи; а какая масса простаго сѣраго деревенскаго люда, узнавъ о его кончинѣ, сотворить крестное знаменіе и помянетъ его, какъ добраго человѣка, „не злымъ, тихимъ словомъ“. Мало того: и будущій историкъ края, окидывая умственнымъ взоромъ прошлое, поставитъ его въ число самыхъ замѣчательныхъ мѣстныхъ культурныхъ работниковъ въ качествѣ продолжателя трудовъ такихъ славныхъ историческихъ дѣятелей, какъ Г. С. Сковорода, В. Н. Каразинъ, Г. О. Квитка и др. Онъ съ изумленіемъ остановится передъ необычайною энергіей этого цѣльнаго, сильного характера и невольно задастъ себѣ вопросъ, какъ это на мѣстной почвѣ, въ отдаленную крѣпостническую эпоху могъ выработаться дѣятель, который въ теченіе 60 слишкомъ лѣтъ стоялъ впереди всѣхъ, старался вести общество по пути матеріальнаго и умственнаго прогресса. Стремленіе къ разумнымъ усовершенствованіямъ во всѣхъ отрасляхъ жизни

составляет основную черту въ дѣятельности почившаго. Но важно то, что онъ никогда не застывалъ въ опредѣленныхъ излюбленныхъ формахъ; о немъ можно сказать то, что сказалъ А. О. Кони о Кавелинѣ. Онъ принадлежалъ къ той немногочисленной, къ сожалѣнію, плеядѣ общественныхъ дѣятелей, которые, „вступая въ жизнь съ однимъ поколѣніемъ, дѣлятся знаніемъ съ другимъ, работаютъ рука объ руку съ третьимъ, подводятъ итоги мысли съ четвертымъ, указываютъ идеалы пятому—и сходятъ со сцены всѣмъ имъ понятные, близкіе“. 80-ти-лѣтній старецъ Е. Ст. остался *молодъ* душою: и вездѣ—на университетской ли кафедрѣ въ 30-хъ, 40 и 50-хъ годахъ, въ заграничной ли командировкѣ, или въ роли публициста по крестьянскому вопросу, или въ качествѣ земскаго и городского дѣятеля, или въ общегосударственныхъ комиссіяхъ, онъ является молодымъ и идетъ или впереди, или рука объ руку съ молодыми; вездѣ онъ будитъ мысль, беря на себя инициативу въ даже отвѣтственныхъ общественныхъ предпріятіяхъ. И это потому, что у него была глубокая вѣра въ силу общества; этой вѣры онъ не потерялъ до конца своихъ дней, несмотря на то, что судьба какъ бы нарочно испытывала его и сокрушала то, чему онъ отдалъ почти всю свою жизнь. На закатѣ своихъ дней, проникнутый пессимизмомъ, который, конечно, долженъ былъ служить источникомъ огромныхъ нравственныхъ страданій, онъ все таки не потерялъ вѣры въ *общество* и этому послѣднему завѣщалъ свое матеріальное и нравственное наслѣдство. И тутъ онъ остался вѣренъ себѣ и своимъ принципамъ: свой умственный капиталъ—свои литературно-научные труды—онъ завѣщалъ родному университету; значительныя матеріальныя средства онъ оставилъ земству на пользу народнаго образованія,—земскихъ начальныхъ школъ, и крестьянскаго народнаго труда—кустарныхъ выставокъ. Миръ праху твоему неутомимый труженникъ, подвизавшійся подвигомъ добрымъ и славнымъ на пользу роднаго края и страны.

Александръ Ивановичъ Палюмбецкій.

† 18-го сентября 1897 г.

При погребеніи заслуженнаго профессора и бывшаго ректора университета А. И. Палюмбецкаго были произнесены рѣчи профессоромъ А. Н. Стояновымъ и профессоромъ Н. О. Куплеваскимъ.

Профессоръ Стояновъ сказалъ:

„Съ благоговѣніемъ подхожу я къ этой свѣжей могилѣ, чтобы сказать послѣднее „прости“ достойнѣйшему изъ достойныхъ людей,—

человѣку, съ которымъ у меня была духовная и нравственная связь ученика съ учителемъ. Александръ Ивановичъ Палюмбецкій, былъ однимъ изъ тѣхъ молодыхъ русскихъ ученыхъ, которые, возвратившись изъ командировокъ съ ученою цѣлью за границу, заняли въ сороковыхъ годахъ различныя кафедры въ отечественныхъ нашихъ университетахъ. Въ составѣ нашей харьковской группы молодыхъ профессоровъ той эпохи находились, между прочимъ, недавно лишь скончавшіеся старики: В. А. Кочетовъ и Е. С. Гордѣнко. Дѣятельность А. И. Палюмбецкаго не могла быть, по различнымъ причинамъ, столь же разнообразна, какъ дѣятельность Е. С. Гордѣнко. Но тѣмъ полнѣе и глубже сосредоточивались всѣ лучшія силы его характера, ума и сердца на интересахъ университета, которому онъ служилъ вѣрою и правдою въ теченіе долгаго времени, прежде всего какъ глубоко ученый и выдающийся профессоръ, а затѣмъ какъ деканъ и ректоръ университета. Служеніе это было тѣмъ благотворнѣе для нашей alma mater, что совпадало съ самою мрачною и при этомъ—съ самою опасною эпохою въ жизни и въ исторіи всѣхъ нашихъ университетовъ. Нужно было имѣть большую силу ума, воли, тактичности и честности, чтобы, внушая къ себѣ уваженіе даже со стороны военного попечителя, охранять университетъ отъ всякихъ напастей и злоключеній. Нужно было также имѣть не меньшую долю вышеуказанныхъ качествъ, чтобы бороться, почти въ одиночку, противъ взяточничества въ формѣ уроковъ, а въ особенности противъ пансіонерства богатыхъ студентовъ. Вообще, куда-бы мы не кидали взоръ нашъ, анализируя характеръ А. И. Палюмбецкаго, — откуда-бы мы на него не глядѣли, — мы получили-бы всегда одинъ и тотъ-же результатъ нашихъ наблюденій: передъ нами обрисовалась-бы всегда одна и та же выдающаяся и симпатичная личность съ качествами лучшихъ русскихъ людей сороковыхъ годовъ, — людей, которые имѣли убѣжденія и не отступались отъ нихъ, которые никогда не вступали въ сдѣлки съ совѣстью своею ради личныхъ выгодъ, которые вѣрили въ науку и въ идеалы человѣческаго общежитія. Прибавимъ сюда: силу, глубину и остроту ума, блестящій и вмѣстѣ добродушный юморъ, и легко было понять, почему было такъ велико нравственное довѣріе и уваженіе къ личности А. И. Палюмбецкаго со стороны молодежи. Но позволяю себѣ думать, что имя его сохранить свое нравственное обаяніе, и что могила эта никогда не перестанетъ быть священнымъ мѣстомъ для многихъ поколѣній студентовъ нашего университета“.

Профессоръ *Куплевскій* сказалъ:

„Дорогой учитель! Неизбѣжная для всего живущаго смерть прекратила твое существованіе. Не смотря на эту неизбѣжность смерти для каждаго изъ насъ, человѣческій родъ представляетъ собою одну непрерывную цѣпь существованій, связанныхъ между собою не только физически, но и нравственно. Въ этой цѣпи ты являлся звеномъ, не звеномъ слабымъ или излишнимъ, но звеномъ крѣпкимъ и необходимымъ. Мы были счастливы тѣмъ, что въ твоемъ лицѣ мы имѣли профессора и администратора гуманнаго, проникнутаго стремленіемъ къ истинѣ, неподкупно-честнаго въ своей общественной дѣятельности. Ты сѣялъ доброе сѣмя, которое пускало ростки и давало плоды. Покойся мирно отъ трудовъ твоихъ. Миръ твоему праху. Ты оставляешь по себѣ завидную память человѣка жившаго и дѣйствовавшаго для развитія науки и человѣческой нравственности“.

Въ будущемъ мы надѣемся помѣстить въ „Зап. Харьк. Унив.“ очеркъ ученой, служебной и преподавательской дѣятельности покойнаго А. И. Палумбецкаго, принадлежавшаго къ числу лучшихъ людей своего времени.

Александръ Викентьевичъ Чернай.

† 6-го февраля 1898 г.

Предполагая со временемъ помѣстить въ „Запискахъ Харьковскаго университета“ очеркъ трудовъ и служебной дѣятельности А. В. Чернай, перепечатываемъ здѣсь изъ „Харьковск. губернс. Вѣдом.“ статью, посвященную памяти покойнаго (№ отъ 8-го февраля 1898 г.).

Въ пятницу, 6-го февраля, скончался заслуженный профессоръ по кафедрѣ зоологіи и почетный членъ Харьковскаго университета Александръ Викентьевичъ Чернай, почтенная дѣятельность котораго высоко цѣнилась въ университетской средѣ. Приводимъ краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ.

Александръ Викентьевичъ Чернай родился въ 1821 г., 7 апрѣля, въ С.-Петербургѣ. Отецъ его былъ архитекторомъ въ С.-Петербургѣ, по происхожденію чехъ; мать—дочь бывшаго непремѣннаго секретаря академіи наукъ Николая Фуса. Первоначальное воспитаніе А. В. Чернай получилъ во 2-й Петербургской гимназіи, въ которой пробылъ 2 г. Въ 1832 г. онъ былъ принятъ во вновь открывшееся низшее отдѣленіе главнаго педагогическаго института, въ которомъ въ 1841 г. окон-

чилъ курсъ наукъ по отдѣленію физико-математическихъ наукъ и удостоенъ серебряной медали. Въ высшемъ отдѣленіи слушалъ лекціи профессоровъ Земницкаго, Постельса, Остроградскаго, Гесса и Купфера. По окончаніи курса оставленъ для спеціальныхъ занятій по зоологіи подъ руководствомъ академика *Θ. Θ. Брандта* при зоологическомъ музеѣ академіи наукъ. Въ 1842 г. отправленъ на казенный счетъ за-границу, гдѣ слушалъ лекціи: въ Берлинѣ у профессоровъ *Эренберга*, *Лихтенштейна*, *Мюллера* и *Эрихсона*; въ Парижѣ—*Мильтя Эдвардса*, *Валансіена* и *Коста*; въ Лейденѣ—*Темминка* и *Шлегеля*. Въ Вѣнѣ бралъ уроки микроскопіи у *Энгеля*. Практически изучалъ систематику въ музеяхъ Вѣны, Парижа, Лондона и Лейдена. Въ 1845 г., по прочтеніи пробной лекціи въ С.-Петербургѣ, назначенъ адъюнктомъ по кафедрѣ зоологіи въ Харьковскій университетъ. Въ 1846 г. приобрѣлъ ученую степень магистра зоологіи, представивъ въ факультетъ диссертацию: „Объ устройствѣ, отправленіи и значеніи крыла въ систематикѣ птицъ“. Въ 1848 г. защищалъ диссертацию на степень доктора естественныхъ наукъ: „Монографія укусаго червячка“. Въ томъ же году утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1850 г. ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ зоологіи. Въ 1868 г. утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора и вновь избранъ профессоромъ на пятилѣтіе. Въ 1873 г. оставилъ по собственному желанію службу въ университетѣ. Былъ секретаремъ факультета, а съ 1857 г. по 1869 г. состоялъ деканомъ физико-математическаго факультета. Участвовалъ въ ученой экспедиціи, снаряженной въ 1848 г. для изслѣдованія Харьковской губерніи и прилежащихъ къ ней мѣстъ въ естество-историческомъ отношеніи, въ 1850 г. былъ командированъ въ южные уѣзды Харьковской губерніи для изученія образа жизни и распространенія овражка и вреда, причиняемаго имъ, а въ 1868 г. участвовалъ въ качествѣ депутата отъ Харьковскаго университета на первомъ съѣздѣ естество-испытателей въ С.-Петербургѣ. Съ основаніемъ въ Харьковѣ Ветеринарнаго института преподавалъ въ немъ зоологію.

Состоялъ почетнымъ членомъ Императорскаго Харьковскаго университета, членомъ общества испытателей природы въ Москвѣ съ 1849 г., былъ дѣйствительнымъ членомъ и въ теченіе 10 лѣтъ предсѣдателемъ общества испытателей природы при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, а съ 1864 г. былъ избранъ членомъ Императорскаго Русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растений и членомъ губернскаго статистическаго комитета въ Харьковѣ.

Изъ слушателей профессора въ теченіе 30-ти-лѣтней его профессорской дѣятельности окончили курсъ кандидатами естественныхъ наукъ

извѣстные нынѣ зоологи, большею частью профессора зоологіи нашихъ университетовъ: А. Ф. Масловскій, М. Ганинъ, И. И. Мечниковъ, П. Т. Степановъ, Зеленскій, В. Рейнгардъ, Бѣлецкій, К. К. Пенго, В. А. Ярошевскій и В. Чернявскій.

Своими научными трудами покойный приобрѣлъ себѣ почетное имя въ наукѣ, а своей дѣятельностью и душевными качествами оставилъ по себѣ прекрасную память у всѣхъ, знавшихъ его.

Профессоръ Григорій Матвѣевичъ Цѣхановецкій

† 28-го февраля 1898 года.

28 февраля с. г. скончался заслуженный профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета по кафедрѣ политической экономіи и статистики *Григорій Матвѣевичъ Цѣхановецкій*. Свѣтлая и во многихъ отношеніяхъ выдающаяся личность покойнаго, а также и его значеніе какъ ученаго и преподавателя прекрасно охарактеризованы въ надгробныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ профессорами М. М. Алексѣенко, И. Н. Миклашевскимъ, В. Ф. Левитскимъ, К. А. Андреевымъ и въ статьѣ проф. А. Н. Стоянова („Харьк. Губ. Вѣд.“, № 61), которыя мы воспроизводимъ здѣсь полностью.

На выносѣ тѣла покойнаго изъ квартиры въ университетскую церковь говорили ректоръ универс. М. М. Алексѣенко и профессора И. Н. Миклашевскій и В. Ф. Левитскій.

М. М. Алексѣенко сказалъ слѣдующее:

Предъ гробомъ человѣка, отдавшаго жизнь наукѣ и университетскому преподаванію, стоимъ мы, смущенные и удрученные новою утратою. Въ эти полныя таинственности минуты, когда невольно ставится вѣчный вопросъ о существѣ человѣческой жизни и когда теряются самые уравновѣшенные люди, трудно владѣть собою, трудно собраться съ мыслями; еще труднѣе дать полную и вѣрную оцѣнку отлетѣвшей жизни, но все-же предъ безмолвіемъ и холодомъ смерти и наперекоръ смерти, прекратившей бренное существованіе одного изъ насъ, должны возвысить голосъ живущіе, чтобы громко заявить, что не все погнано смертію, но что-то осталось и будетъ жить...

Съ 1873 года въ продолженіи почти 25 лѣтъ Григорій Матвѣевичъ принадлежалъ Харьковскому университету. Онъ перешелъ изъ Кіевскаго университета уже исполнѣ подготовленнымъ и сформировавшимся преподавателемъ съ хорошою ученою репутаціею. Харьковскій

университетъ радушно принялъ новую научную силу, и покойный всегда съ особою признательностью вспоминалъ о приѣмѣ, какой ему былъ сдѣланъ въ Харьковѣ. Скоро Григорій Матвѣевичъ сталъ своимъ человекомъ въ новой средѣ. Его по достоинству оцѣнили какъ ученаго, какъ преподавателя и какъ товарища, и, когда послѣ А. С. Питры надо было избрать ректора университета, выборъ высшей университетской коллегіи—совѣта остановился на Григоріи Матвѣевичѣ. Онъ съ честью несъ ректорскія обязанности въ трудное время 1881—84 г., когда готовились перемѣны въ строѣ университетской жизни. Онъ былъ строго коллегіальнымъ и безпристрастнымъ руководителемъ совѣта...

Съ 1884 г. онъ отдался преподавательской дѣятельности и не прерывалъ ее до конца своей трудовой жизни. Онъ серьезно смотрѣлъ на дѣло преподаванія и всю жизнь работалъ надъ самоусовершенствованіемъ. Всегда съ книгою, журналомъ, газетою, рукописью, всегда—полный мыслей объ общественныхъ и экономическихъ вопросахъ, онъ неустанно набиралъ и обдумывалъ новые матерьялы, при чемъ заходилъ и въ другія области знанія, если это требовалось для выясненія общественныхъ явленій. Разносторонне образованный, съ большою эрудиціею онъ представлялъ въ университетѣ живой, доступный, открытый для всѣхъ источникъ, изъ котораго могли черпать „воду живу“—знанія всѣ желающіе. Когда онъ говорилъ—тихо, обдуманно, осторожно, съ оговорками—вы чувствовали, что предъ вами человекъ, понимающій отвѣтственность за слово, не желающій вводить въ заблужденіе и соблазнить. Въ его отношеніяхъ къ людямъ, въ его оцѣнкѣ человѣческихъ поступковъ руководящимъ началомъ были гуманность и терпимость. Эти черты такъ слились съ его нравственнымъ обликомъ, такъ оживотворились въ немъ, что выдѣляли его, какъ высокій образецъ. Онъ образовался въ университетской сферѣ, среди свободнаго культа высшихъ интеллектуальныхъ интересовъ. Онъ былъ украшеніемъ университетской жизни, составлялъ нравственное средоточіе, къ которому тяготѣли другіе члены университета.

Онъ пересталъ быть среди насъ. Но его образъ—образъ разносторонне и широко образованнаго, отзывчиваго учителя, проникнутаго высокими общественными идеалами, гуманнаго, полного „любви и прощенія“ члена университетской коллегіи, этотъ образъ—среди насъ, чтобы возвышать насъ, ободрять, побуждать къ работѣ на пользу другихъ. Пусть же долго живетъ этотъ образъ... „на вѣчную память“.

И. Н. Миклашевскій сказалъ слѣдующее:

„Честь и слава человѣку, который указалъ на необходимость и спасительность свободы для человѣческой дѣятельности, который вѣровалъ въ гармонію законовъ соціального міра“. Такъ заканчивалъ покойный Г. М. свою магистерскую диссертацию, посвященную изслѣдованію значенія Адама Смита въ исторіи политико-экономическихъ системъ, написанную имъ еще въ 1859 году. Если мы припомнимъ ту историческую эпоху, въ которую были написаны только что приведенныя слова глубоко-почтеннаго Г. М., вслѣдъ затѣмъ и всю послѣдующую ученую и педагогическую дѣятельность покойнаго, то мы получимъ полное право повторить приведенныя слова у могилы автора ихъ. Г. М. выросъ и возмужалъ въ очень печальную эпоху нашей исторіи. То была эпоха крѣпостнаго права и Севастопольскаго погрома. Г. М. не былъ практическимъ дѣятелемъ освободительной эпохи. Это былъ скромный ученый, проводившій все свое время въ тишинѣ рабочаго кабинета и въ тоже время чутко прислушивающійся къ тому, что дѣлается въ практической жизни. Онъ хорошо понималъ, что „прошедшаго нельзя совершенно уничтожить ни поворотами, ни эдиктами, ни перемѣною именъ, ни историческимъ маскерадомъ“ и что абсолютная свобода, въ особенности въ сферѣ экономическихъ отношеній, можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, породить массу зла и несправедливости. „Жизнь не въ крайностяхъ, ведущихъ къ дезорганизациі, когда силы вырываются изъ общей гармоніи и стремятся подавить одна другую или погибнуть, писалъ Г. М., напротивъ, она состоитъ въ примѣненіи борющихся стихій“. И такой примирительный тонъ вносилъ покойный своимъ ученымъ трудомъ въ борющіяся стихіи тогдашней русской жизни. Не жестокія слова Спинозы „не плакать, не смѣяться, а понимать“ а ихъ перифразъ—и плакать, и смѣяться, и понимать“ были девизомъ его жизни и до самаго конца ея онъ остался вѣренъ тѣмъ идеаламъ добра и справедливости, которые съ такою искренностію и ясностію изложены имъ въ его первомъ юношескомъ ученомъ трудѣ.

Проходили годы, увлеченія смѣнялись разочарованіями и все чаще и чаще приходилось напоминать подростающему поколѣнію о забытыхъ, подъ вліяніемъ горячки практической дѣятельности, идеалахъ. Въ Россіи наступало время болѣе тѣснаго экономическаго общенія съ остальнымъ міромъ. Начало 60 годовъ можетъ быть съ полнымъ правомъ названо эпохой зарожденія нашей крупной индустріи и желѣзнодорожнаго строительства. Многимъ памятна эта эпоха быстрой наживы и желѣзнодорожныхъ королей, въ большой мѣрѣ оправдываемая тео-

ріей государственнаго невмѣшательства и полной свободы соперничества. И вотъ Г. М., какъ бы предвидя эту эпоху, отправляется за границу и принимается за изученіе желѣзнодорожнаго хозяйства западной Европы. Въ результатѣ его работъ получается изслѣдованіе, озаглавленное „Желѣзныя дороги и Государство“ (1869 г.). Здѣсь не мѣсто входить въ сколько нибудь подробное изложеніе этой весьма примѣчательной и въ свое время хорошо оцѣненной книги, давшей покойному имя среди специалистовъ. Я отмѣчу здѣсь лишь тотъ фактъ, что нужно было имѣть достаточный запасъ ученой увѣренности и нравственной силы, чтобы въ эпоху разорительныхъ для населенія желѣзнодорожныхъ концессій выступить съ рѣшительнымъ требованіемъ вмѣшательства государства въ сложное дѣло желѣзнодорожнаго хозяйства. Такова ученая дѣятельность покойнаго.

Я познакомился съ Г. М. только 2 года тому назадъ и, слѣдовательно, очень недолго пользовался его интереснымъ обществомъ. Но для меня останутся навсегда памятными наши тихія бесѣды въ лекторіи и въ юридическомъ кабинетѣ нашего университета, ибо бесѣды эти оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе о высокой нравственной личности покойнаго. Убѣжденный сторонникъ университетскаго самоуправленія, свободы университетской науки и необходимости самостоятельныхъ занятій студентовъ, Г. М. казался мнѣ иной разъ не старикомъ, годнымъ по возрасту въ отцы, а болѣе молодымъ, чѣмъ многіе представители современной молодежи. Его эрудиція въ области его специальности и начитанность въ другихъ отрасляхъ знанія, его вѣра въ разумную свободу и высокая терпимость, съ которою онъ относился къ мнѣніямъ, прямо противоположнымъ его собственнымъ, глубокое признаніе преемственности и разумности исторической жизни человѣчества и законности фізіологическаго развитія обществъ, привлекали къ нему всякаго, у кого въ груди не камень, а сердце. Смиреннымъ сномъ, дорогой старшій товарищъ, и память о тебѣ будетъ долго жить въ нашемъ храмѣ науки, ибо ты служилъ истинному Богу.

В. Ф. Левитскій сказалъ слѣдующее:

Григорій Матвѣевичъ Цѣхановецкій въ числѣ немногихъ его сверстниковъ представлялъ звено, связующее Харьковскій университетъ съ порою перваго расцвѣта университетской жизни—съ эпохою шестидесятыхъ годовъ. Онъ являлся характернымъ выразителемъ принциповъ, убѣжденій и вѣрованій этой эпохи. Свободу, провозглашенную въ законодательныхъ актахъ шестидесятыхъ годовъ, онъ считалъ важнейшимъ культурнымъ приобрѣтеніемъ русской жизни. Онъ ожидалъ

блага для своей родины отъ свободного развитія личности — физической и юридической, т. е. свободного проявленія личности въ общественной жизни, въ земствѣ, національности, корпораціи.

Когда въ русскомъ обществѣ настроеніе 60-хъ годовъ смѣнилось нѣкоторымъ недовѣріемъ къ свободной личной и общественной дѣятельности, когда слишкомъ много стали ожидать отъ регламентаціи — Григорій Матвѣевичъ остался, такъ сказать, при особомъ мнѣніи и сохранилъ вѣрность своимъ старымъ убѣжденіямъ. Какъ ученый, покойный мало высказывался въ печатномъ словѣ, хотя его сочиненіе о желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, написанное въ пору расцвѣта его умственныхъ силъ, и теперь вполне сохранило научное значеніе. Но по своимъ познаніямъ онъ до послѣднихъ дней своей жизни стоялъ на высотѣ современной науки. Богатство его ученой эрудиціи было всѣмъ хорошо извѣстно въ университетѣ. У него всегда можно было собрать свѣдѣнія по новѣйшимъ научнымъ теченіямъ не только въ области экономическихъ наукъ, которыхъ онъ являлся присяжнымъ представителемъ, но и въ сферахъ отечествовѣдѣнія и славяновѣдѣнія, которыми онъ широко интересовался. Покойный Григорій Матвѣевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ личностей, у которыхъ все міровоззрѣніе основано на глубоко продуманныхъ принципахъ. Когда приходилось обращаться къ Григорію Матвѣевичу за совѣтомъ, или просить отвѣта на какой-нибудь вопросъ текущей академической жизни, то мы всѣ знали, что эти отвѣты получатся изъ самаго чистаго источника, изъ глубины исповѣдуемыхъ имъ принциповъ и убѣжденій. Смерть поразила Григорія Матвѣевича не такъ, какъ она часто постигаетъ людей преклоннаго возраста. Нерѣдко приходится видѣть, какъ беспощадное время, намѣчая свою жертву, прежде опустошаетъ моральное достоинство чловѣка и затѣмъ уже налагаетъ свою руку на его физическія силы и здоровье.

Григорій Матвѣевичъ сохранилъ въ полной неприкосновенности свои умственные силы и свой общественный идеалъ до послѣднихъ дней своей жизни. Мы, временные гости нашей „alma mater“, можемъ только выразить наше горячее желаніе, чтобы духовный образъ покойнаго Григорія Матвѣевича долго жилъ среди поколѣній, которыя будутъ смѣняться въ Харьковскомъ университетѣ. Да будетъ ему вѣчная память.

Профессоромъ *А. Н. Стояновымъ* памяти покойнаго были посвящены слѣдующія строки въ „Харьк. губ. Вѣдом.“:

Кончина *Г. М. Цѣхановецкаго* представляетъ собою весьма замѣтное событіе въ текущей жизни города Харькова. Правда, что горестное событіе это не обозначилось внезапно на нашемъ горизонтѣ.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ, болѣзнь, давно зародившаяся, видимо для всѣхъ стала одолѣвать сильный отъ природы организмъ Г. М. Но несмотря на послѣдовательный, безостановочный ходъ роковой и безпощадной болѣзни, борьба съ недугомъ шла сравнительно успѣшно, благодаря выдающейся энергіи духовныхъ силъ и разнообразію умственныхъ интересовъ страждущаго. Вотъ почему у друзей, товарищей, учениковъ и почитателей усопшаго профессора были, до послѣдняго времени, серьезныя надежды на продленіе этой благородной и многоцѣнной жизни. И вотъ почему отозвалась такою тяжкою и вмѣстѣ острою болью въ сердцахъ людей, любившихъ покойнаго профессора, быстро распространившаяся вѣсть о кончинѣ Г. М. послѣ мучительной трехдневной агоніи.

Да, многіе, очень многіе любили и высоко цѣнили необыкновенно-привлекательную личность Григорія Матвѣевича Цѣхановецкаго!

И многіе, очень многіе—думаю я—охотно и съ полнымъ убѣжденіемъ примкнуть вотъ къ какой характеристикѣ Г. М. Цѣхановецкаго: онъ представляетъ собою типъ тѣхъ избранныхъ людей, которыми какъ бы органически близки и до ясновидѣнія понятны идеи и слова, выражающія великій смыслъ лучшихъ сторонъ жизни человѣческой,—т. е. слова и идеи истины, добра, знанія и гуманности. Слова эти составляли его „Святую Святыхъ“; они „горѣли передъ нимъ огнемъ негнѣннымъ, какъ купина несгораемая“. И онъ же самъ былъ прекраснымъ образомъ для воплощенія дѣйствительно-великихъ идей истины, добра, знанія и человѣчности. Для него было непоколебимою правдою такое убѣжденіе: „Существуютъ двѣ великія силы, устраняющія преграды между народами и странами и соединяющія невидимыми и неразрывными нитями всѣхъ людей, безъ различія національности и религіи, въ одну великую международную семью. Эти силы—наука и искусство. Наука—наша общая догма. Ей—„vivat, crescat et floreat“. Послѣ этого становится яснымъ, гдѣ и въ чемъ заключается живой родникъ выдающейся профессорской и научной силы Г. М. Цѣхановецкаго,—гдѣ и въ чемъ разгадка его изумительной многосторонности, его любви и снисхожденія къ людямъ,—любви и снисхожденія дивно освѣщенныхъ какимъ-то особеннымъ лучемъ кроткаго и согрѣвающего свѣта изъ глубины души. Понятно также, почему онъ могъ быть учителемъ для самихъ учителей... Повторяю и заключаю: кончина Г. М. Цѣхановецкаго представляетъ собою очень крупный фактъ съ общественнымъ интересомъ. Отрадно, не смотря на жгучую боль отъ удара безпощадною рукою смерти, видѣть общую, единодушную и безусловно справедливую оцѣнку только-что „отлетѣвшей отъ насъ жизни“, по

прекрасному и поэтическому выраженію одного изъ говорившихъ послѣднее свое, братски-искреннее слово надъ гробомъ усопшаго товарища-профессора.

Все, что выше сказано мною, можетъ объяснить и, кажется мнѣ, поддержать такую мысль: издать отдѣльною брошюрой всѣ рѣчи, произнесенныя надъ гробомъ и надъ могилою Г. М. Цѣхановецкаго. „Предъ безмолвіемъ и холодомъ смерти—читаемъ мы въ одной изъ рѣчей этихъ—и наперекоръ смерти, прекратившей бренное существованіе одного изъ насъ, должны возвысить голосъ живущіе, чтобы громко заявить, что не все погнано смертью, но что-то осталось и будетъ жить“.

Проф. Всеволодъ Піевичъ Даневскій.

† 25-го марта 1898 г.

25 марта с. г. скончался ордин. профессоръ по кафедрѣ уголовного права *Всеволодъ Піевичъ Даневскій*. Покойный пользовался заслуженной извѣстностью, какъ выдающійся ученый въ области международного и уголовного права, какъ блестящій лекторъ, какъ дѣятель съ широкими общественными интересами. Приводимъ рѣчи, произнесенныя на выносѣ тѣла ректоромъ университета М. М. Алексѣенко и при погребеніи проф. Н. О. Куплеваскимъ и прив.-доц. Н. А. Гредескулумъ.

М. М. Алексѣенко сказалъ слѣдующее:

„Мы переживаемъ новую утрату! Когда оставляетъ насъ человекъ, у котораго мы учились, который въ своей долгой жизни исполнилъ свое назначеніе и оставилъ намъ многое для поученія и назиданія, мы миримся съ прекращеніемъ внѣшней физической жизни. Но когда угасаетъ почти сверстникъ, который жилъ и возрасталъ съ нами и среди насъ, который еще недавно былъ полонъ жизненныхъ силъ, рвался работать и созидать,—испытывается мучительное чувство, какъ будто что-то оторвалось, какъ будто теряешь часть самого себя.

Двадцать лѣтъ назадъ молодымъ, начинающимъ ученымъ пріѣхалъ въ Харьковъ Всеволодъ Піевичъ искать званія приватъ-доцента. Онъ былъ принятъ въ число преподавателей и съ тѣхъ поръ въ продолженіи почти 20 лѣтъ служилъ Харьковскому университету. До 1893 года онъ занималъ кафедру международного права. Но его не удовлетворяли уклончивыя положенія, казуистика, отсутствіе санкцій. Въ 1893 году онъ перешелъ на кафедру уголовного права, у которой его отняла смерть. Мнѣ живо представляется, какимъ онъ былъ въ то время,

когда явился въ Харьковъ, я точно вижу его, — порывистаго, впечатлительнаго, талантливаго, неутомимаго, съ могучимъ голосомъ и патетическою рѣчью. Онъ такимъ и остался. Онъ выросталъ, накапливалъ знанія. Онъ былъ неутомимый работникъ. Онъ отдавался работѣ всѣмъ сердцемъ; она поглощала его. Работая надъ какою нибудь темою, онъ проникался ею, забывая все другое. Излагая то, чѣмъ онъ интересовался, онъ волновался и волновалъ другихъ. Съ настойчивостью, которая для предубѣжденнаго или незнакомаго человѣка могла показаться чуть не насиліемъ, онъ старался убѣждать въ томъ, въ чемъ былъ убѣжденъ самъ. Такое направленіе мысли и работы могло вести къ односторонностямъ. Но въ экономіи общественной жизни надо цѣнить по достоинству разнообразныя дарованія. Хороша осмотрительность холодная, покойная, разсудительная, боящаяся ошибокъ. Но свое, нерѣдко большое дѣло, выполняетъ страстная работа, проникающаяся какою-нибудь одною мыслью, представляющая выпукло эту мысль, доводящая ее иногда даже до крайностей, дѣлающая ошибки. На этой почвѣ вырастаютъ творцы и борцы.

Въ преподаваніе Всеволодъ Пиевичъ влагалъ душу. Онъ любилъ это дѣло, онъ готовъ былъ читать безъ устали многіе часы, лишь бы слушали и убѣждались, онъ продолжалъ читать пока могъ и сложилъ оружіе, когда перестала служить голова и измѣнилъ голосъ.

Съ особенною любовью онъ занимался въ послѣдніе годы вопросами уголовного права, судоустройства и судопроизводства. Въ комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ его высоко цѣнили выдающіеся русскіе юристы, отдавая справедливость его знаніямъ, отзывчивости и замѣчательному трудолюбію. Но онъ не зналъ мѣры въ работѣ, онъ все воображалъ, что онъ все тотъ же крѣпкій 25-лѣтній молодой человѣкъ, которому все сходитъ. Онъ надломился. Угасла жизнь! Укрощенъ неукротимый, упокоилась мятежная душа! Миръ тебѣ!

Н. О. Кулеваскій сказалъ слѣдующее:

„У не закрытой еще могилы стоимъ мы и невольно нисходятъ на насъ грустныя думы. Мало еще у насъ духовныхъ силъ собрано для дѣятельности на благо нашей родины и эти силы слишкомъ часто исчезаютъ раньше, чѣмъ онѣ могли все дать, на что онѣ способны. Нашъ факультетъ, котораго я являюсь однимъ изъ представителей, въ послѣдніе годы несетъ потерю за потерей, и все это потери чувствительныя. Онъ терялъ не только дорогихъ ему стариковъ, но онъ терялъ нѣсколько разъ совсѣмъ молодыя силы.

Мы вновь утратили человѣка въ расцвѣтѣ силъ — способнаго и трудолюбиваго ученаго, даровитаго преподавателя. Мы потеряли не только кабинетнаго ученаго, но человѣка дѣйствія, человѣка, который всегда имѣлъ какую-нибудь научную или общественную идею, за которую онъ боролся страстно, онъ ополчался во всеоружіи для ея защиты или для нападенія на ея противниковъ. Изъ этой страстности вытекали иногда нѣкоторые недостатки, но здѣсь же заключается и источникъ громадной силы, которая въ общемъ была направлена весьма благотворно.

Покойный былъ скорѣ какъ на статьи, такъ и на дѣйствія — скорѣ и рѣшителенъ. Онъ писалъ быстро и реагировалъ немедленно. Поэтому всякій серьезный трудъ, относящійся къ области наукъ юридическихъ, встрѣчалъ въ немъ немедленно знающаго и добросовѣстнаго критика; всякій законодательный вопросъ немедленно получалъ со стороны покойнаго должную оцѣнку или детальную разработку.

Онъ былъ скорѣ, но не потому, что относился къ дѣлу неряшливо, небрежно, недобросовѣстно, по гешефтмахерски, а потому, что былъ способенъ, трудолюбивъ и вкладывалъ въ дѣло свою душу, всѣ свои силы. Онъ отзывался тотчасъ, но потому, что не боялся труда, не щадилъ себя и нерѣдко просиживалъ ночи на пролетъ. Онъ нерѣдко вступалъ въ личную борьбу, онъ иногда ошибался, но всегда дѣйствовалъ прямо, добросовѣстно и рѣшительно.

И вотъ мы теряемъ этого человѣка. Мы пришли сказать ему послѣднее прости. Не будемъ роптать, не будемъ жаловаться. Это бесполезно, да и намъ не дано ясное пониманіе путей и цѣлей Провидѣнія. У насъ есть нѣкоторое утѣшеніе. Покойный оставляетъ доброе наслѣдство. И ученый, и законодатель, и судебный практикъ, и учащійся студентъ найдутъ въ его сочиненіяхъ, статьяхъ и лекціяхъ много полезныхъ свѣдѣній и заключеній — плодовъ ума, знанія, труда и добросовѣстности покойнаго. Всѣ они кромѣ того найдутъ въ своихъ впечатлѣніяхъ и воспоминаніяхъ, вынесенныхъ изъ личныхъ отношеній, благое побужденіе для дѣятельности на пользу общую. Вотъ что намъ остается. Прощай, дорогой товарищъ, честь тебѣ и слава и да будетъ твоя память благословенна на вѣки!

Н. А. Гредескулъ сказалъ слѣдующее:

„Жестокій недугъ и неумолимая смерть похитили еще одну жертву у нашего факультета — не стало того, о комъ можно было думать, что онъ переживетъ многихъ изъ насъ, — кто стоялъ только на половинѣ

жизненного пути, неудержимо рвался вперед и, конечно, сдѣлалъ бы еще не меньше того, что имъ уже было сдѣлано.... Покойный представлялъ собою очень крупную и видную фигуру въ нашемъ университетѣ. Человѣкъ съ кипучимъ темпераментомъ, съ самыми недюжинными способностями, съ большимъ честолюбіемъ, онъ всю свою пылкую натуру вложилъ въ свою университетскую карьеру и работалъ здѣсь такъ, какъ работаютъ очень и очень немногіе.... Склонный къ активности, къ борьбѣ, даже къ нападенію, онъ, на первый взглядъ, могъ показаться какъ бы мало подходящимъ къ спокойной и безстрастной сферѣ науки,—но за этими внѣшними качествами у него стояла горячая любовь къ дорогой ему юриспруденціи, ясное мышленіе, превосходный лекторскій талантъ, а все это вмѣстѣ съ его удивительной способностью работать и необычайной настойчивостью сдѣлало изъ него выдающагося профессора, и его трудно даже и вообразить себѣ внѣ университетской среды. По крайней мѣрѣ, природная независимость и самостоятельность его характера едва ли нашли бы для себя лучшее мѣсто, чѣмъ въ университетѣ. О немъ можно сказать, что у него были недостатки, но никто не скажетъ, чтобы онъ былъ не на высотѣ университетской катедры, не на высотѣ положенія профессора въ лучшемъ смыслѣ этого слова.... Свои права на званіе истиннаго гражданина университетской среды онъ доказалъ не только своею жизнью, но и своею смертью, грозная перспектива которой до послѣдней минуты бессильна была оторвать его отъ катедры и отъ его слушателей-студентовъ. Да, вѣдь, и самая болѣзнь его была хорошо подготовлена многолѣтнимъ, упорнымъ и превысившимъ даже его крѣпкія силы научнымъ и преподавательскимъ трудомъ....

Какъ человѣкъ, покойный В. П., не смотря на свой страстный темпераментъ, который иногда увлекалъ его въ крайности, обладалъ многими весьма привлекательными качествами. Во главѣ ихъ надо поставить его открытый характеръ и полное отсутствіе въ немъ какой бы то ни было кичливости и всякаго попопзновенія поставить себя выше своего собесѣдника. Не смотря на то, что онъ зналъ себѣ цѣну, онъ не давалъ чувствовать ее другимъ, и это привлекало къ нему въ особенности молодежь, которая такъ чутка ко всему фальшивому; со студентами или молодыми аспирантами на научное званіе онъ самъ велъ и чувствовалъ себя, какъ студентъ. Съ грустью думаю я о томъ, что мы уже не услышимъ въ университетскомъ кругу его несдержанной, подчасъ страстной, но мѣткой, открытой и характерной рѣчи.

Миръ же праху твоему, дорогой учитель и товарищъ! На твою могилу позволь принести тебѣ дань искренней любви и горячей бла-

годарности за твой трудъ на пользу родного университета и русскаго правосудія, — трудъ, ставшій для тебя роковымъ и такъ безвременно сведшій тебя въ эту могилу“.

Заслуженный профессоръ Николай Ѳеодоровичъ Леваковскій.

† 26-го апрѣля 1898 года.

Рано утромъ 26-го апрѣля скончался послѣ продолжительной и очень тяжелой болѣзни бывшій ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Ѳеодоровичъ Леваковскій. Сынь дворянина-чиновника, покойный родился въ Петербургѣ, но, вслѣдствіе переѣзда отца его въ Харьковъ, воспитывался въ нашемъ городѣ, въ 1-й гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ число студентовъ отдѣленія естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета. Окончивъ университетъ со степенью кандидата, Н. Ѳ. былъ назначенъ въ 1857 году старшимъ учителемъ естественныхъ наукъ въ екатеринославскую гимназію и занималъ эту должность до мая 1864 г. Поселившись затѣмъ въ Харьковѣ, чтобы посвятить свои силы специальнымъ занятіямъ ботаникой, Н. Ѳ. читалъ нѣкоторое время въ нашемъ университетѣ лекціи по физиологіи растений въ качествѣ приватъ-доцента, а въ 1867 г., удостоенный Харьковскимъ университетомъ степени магистра ботаники, былъ избранъ совѣтомъ Казанскаго университета въ доценты по кафедрѣ ботаники. Получивъ въ сентябрѣ 1868 г. степень доктора ботаники, утвержденъ въ октябрѣ того же года экстра-ординарнымъ профессоромъ, а въ іюлѣ 1869 г. ординарнымъ профессоромъ. Избираемый совѣтомъ Казанскаго университета, Н. Ѳ. состоялъ кандидатомъ университетскаго судьи, членомъ попечительнаго совѣта, проректоромъ университета, деканомъ физико-математическаго факультета и нѣсколько разъ исправлялъ должность ректора университета. Въ теченіе своей службы Н. Ѳ. получилъ ордена: Св. Станислава 2-й степени съ короной, Св. Анны 2-й степ., Св. Равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степ. и Св. Станислава 1-й степени. Лѣтомъ 1888 г. Н. Ѳ. вышелъ въ отставку и послѣдніе 10 лѣтъ своей жизни провелъ въ Харьковѣ, посѣщая по временамъ засѣданіе общества испытателей природы, въ которомъ онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ.

Покойный напечаталъ немного трудовъ, но нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ несомнѣнный интересъ и сохраняютъ свое значеніе до сихъ

поръ, хотя вышли въ свѣтъ лѣтъ двадцать назадъ. Преподавательская дѣятельность Н. О. можетъ быть названа вполне успѣшной, такъ какъ онъ имѣлъ достаточное число учениковъ, изъ которыхъ назовемъ академика *Кархинскаго* и талантливаго ботаника-физиолога *Вотчала*.

Очень скромный, всегда привѣтливый и деликатный, Николай Оеодоровичъ пользовался симпатіей своихъ знакомыхъ, располагалъ къ себѣ всѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло, и вездѣ и во всѣхъ оставилъ по себѣ наилучшую память.

Проф. Л. Рейнгардъ.

Профессоръ Вильгельмъ Оеодоровичъ Грубе.

† 28 апреля 1898 года.

Городъ Харьковъ, вся Россія и Харьковскій университетъ понесли тяжелую, незамѣнимую утрату: 28-го апрѣля въ 4 часа утра скончался послѣ тяжелой болѣзни заслуженный ординарный профессоръ, директоръ факультетской хирургической клиники, тайный совѣтникъ, Вильгельмъ Оеодоровичъ Грубе на 71 году своей трудовой и многополезной жизни. Утраты, подобныя настоящей, не скоро забываются и еще труднѣе замѣщаются, такъ какъ Вильгельмъ Оеодоровичъ относился къ типу людей, которые не принадлежать ни себѣ, ни семьѣ своей, онъ былъ общественный дѣятель въ самомъ лучшемъ и широкомъ значеніи слова. Его полувѣковое служеніе человѣчеству и государству на самомъ тяжеломъ и отвѣтственномъ поприщѣ врача-хирурга создало ему необычайную популярность, всеобщую извѣстность, равныхъ которымъ мало найдется въ лѣтописяхъ русской медицины. Имя, слава и дѣятельность В. О. Грубе ближе всего и тѣснѣ всего связаны съ Харьковскимъ университетомъ, такъ какъ вся его жизнь принадлежала Харькову и его университету и настолько неразрывно связаны они были другъ съ другомъ, что представить себѣ Харьковъ безъ Грубе и Грубе внѣ Харькова было-бы невозможно. Всѣ свои силы, знанія, способности онъ прилагалъ прежде всего на пользу Харькова и его университета. Харьковъ его вторая родина.

Вильгельмъ Оеодоровичъ Грубе, родомъ изъ Курляндской губерніи, мѣстечка Нейгутъ, окончилъ курсъ въ Рижской гимназій и поступилъ въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ Дерптскій, нынѣ Юрьевскій университетъ, гдѣ послѣ блестяще пройденнаго курса, получилъ званіе доктора медицины въ 1850 году. Диссертация его подъ заглавіемъ: *de tumoribus, quibusdam benignis, in nasi superficie obviis eumque*

deformantibus прошла блистательно и доставила ему возможность остаться ординаторомъ при хирургической клиникѣ профессора Каруса. Въ 1851 году послѣ диссертациі на тему „De Hernia ichiastica“ былъ удостоенъ степени доктора хирургіи. Съ этого времени начинается его неутомимая хирургическая и врачебная дѣятельность, не прекращавшаяся до самой его смерти.

Въ роли ординатора и помощника профессора Каруса и замѣнявшаго его профессора Адельмана, Вильгельмъ Оедоровичъ пробылъ 2 года. Для талантливой натуры молодого Грубе этого времени оказалось достаточно, чтобы хорошо подготовиться для самостоятельной дѣятельности, и потому уже въ 1853 г. мы встрѣчаемъ его въ качествѣ младшаго врача 11-го флотскаго экипажа въ Кронштадтѣ. Хотя эта дѣятельность и не могла вполне удовлетворить его пылливому уму и жаждѣ самостоятельной работы, но она все же предоставляла болѣе простора, чѣмъ зависимое положеніе клиническаго ординатора, и этимъ только можно объяснить оставленіе клиники, которая, казалось, открывала ему лучшіе горизонты, чѣмъ служба во флотѣ. Въ 1854 г. Вильгельмъ Оедоровичъ получилъ назначеніе штатнымъ ординаторомъ въ Кронштадтскомъ морскомъ госпиталѣ. Только здѣсь, при громадномъ матеріалѣ этого госпиталя на 1200 хирургическихъ кроватей, молодой Грубе почувствовалъ себя на мѣстѣ; только здѣсь явился достаточный просторъ для его выдающагося таланта и энергіи, благодаря которымъ онъ въ короткое время выдвинулся среди своихъ сослуживцевъ и товарищей, обратилъ на себя вниманіе и уже черезъ полгода былъ сдѣланъ помощникомъ главнаго врача этого госпиталя.

Прочныя научныя основы, полученныя еще на школьной скамьѣ, и отличная подготовка по анатоміи и оперативной хирургіи, въ соединеніи съ значительнымъ опытомъ въ оперативной technikѣ, приобретеннымъ имъ въ теченіи ординаторской службы и дѣятельности въ громадномъ госпиталѣ, доставили ему почетное и видное положеніе, благодаря которому ему поручено было руководить врачами при ихъ практическихъ занятіяхъ въ оперативной хирургіи.

Въ этотъ тяжелый для Россіи періодъ Крымской войны, при недостаткѣ врачей и особенно хирурговъ, такой выдающійся и талантливый молодой хирургъ не могъ остаться незамѣченнымъ, и потому уже въ концѣ 1854 г. онъ былъ назначенъ главнымъ хирургомъ Кронштадта, Ревеля и Свеаборга. Это важное и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящее назначеніе не могло вскружить хотя очень юной, но свѣтлой головы молодого Грубе, который искалъ дѣйствительнаго дѣла и пользы для страждущаго человѣчества, а не блестящаго титула и представи-

тельства. Поэтому онъ подалъ по начальству докладную записку, въ которой доказывалъ невозможность одновременнаго добросовѣстнаго выполненія обязанностей хирурга въ 3 различныхъ пунктахъ, отдаленныхъ другъ отъ друга разстояніемъ. Въ результатъ явилось то, что его титулъ былъ уменьшенъ и онъ остался только главнымъ хирургомъ Кронштадта, а въ Ревель и Свеаборгъ были назначены другіе. Столь обширная хирургическая дѣятельность могла удовлетворить только одной сторонѣ этой богато одаренной натуры. Такія натуры, подобно звѣздамъ, содержатъ источникъ свѣта не для себя самихъ, а должны сообщать его другимъ, а потому, несмотря на блестящую карьеру, которая открывалась предъ нимъ, Вильгельмъ Ѳеодоровичъ стремился къ академической дѣятельности и при открывшейся въ Харьковскомъ университетѣ вакансіи по кафедрѣ оперативной и клинической хирургіи выступилъ кандидатомъ, имѣя, между многочисленными претендентами, конкурента въ лицѣ профессора Шимановскаго, весьма талантливаго хирурга, извѣстнаго своимъ классическимъ сочиненіемъ о пластическихъ операціяхъ. Несмотря на преобладаніе научныхъ трудовъ у проф. Шимановскаго, совѣтъ Императорскаго Харьковского университета отдалъ предпочтеніе Вильгельму Ѳеодоровичу, какъ хирургу, приобрѣвшему громадный практическій опытъ въ Кронштадтскомъ госпиталѣ, гдѣ онъ за это время произвелъ до 10,000 операцій. Время доказало, что совѣтъ университета не ошибся, взявъ въ основу своей оцѣнки выдающіяся способности и практическій опытъ кандидата, и въ лицѣ профессора Грубе университетъ получилъ лучшую свою славу, а вся Россія неутомимаго труженика, полѣвка высоко державшаго знамя науки. Если до сего времени служебная и практическая дѣятельность Вильгельма Ѳеодоровича протекала сравнительно легко, благодаря его выдающимся способностямъ и энергіи, то въ Харьковскомъ университетѣ она встрѣтила болѣе препятствій, какъ со стороны плохой обстановки, такъ особенно потому, что Харьковъ тогда жилъ еще подъ впечатлѣніемъ памяти о знаменитомъ предшественникѣ, профессорѣ Ванцети. Нуженъ былъ выдающійся опытъ и недюжинныя способности, чтобы не остаться въ тѣни такого колосса, какимъ являлся въ то время профессоръ Ванцети.

Дѣятельность послѣднихъ 20 лѣтъ профессора Грубе у всѣхъ въ памяти; но тѣ, кто помнитъ первые его годы въ Харьковѣ, отзываются о немъ съ такимъ же восторгомъ и удивленіемъ, какое соотвѣтствовало періоду высшаго блеска его славы.

Быстро завоевавъ себѣ славу талантливаго и опытнаго хирурга, онъ также быстро составилъ себѣ извѣстность выдающагося препода-

вателя. Получивъ кафедру клинической и оперативной хирургіи въ званіи экстра-ординарнаго профессора, онъ уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ произведенъ въ ординарные профессора. Своими необычайными трудами онъ, можно сказать, создалъ факультетскую хирургическую клинику, которая во времена Ванцети была въ зародышномъ состояніи; онъ привлекъ въ свою клинику огромную массу пациентовъ со всѣхъ концовъ Россіи, а потому его амбулаторія всегда была въ осадномъ положеніи отъ громадной разноплеменной толпы. Нужно быть очевидцемъ и участникомъ практической дѣятельности Вильгельма Оедоровича Грубе, чтобы имѣть понятіе о томъ необыкновенномъ довѣріи, которое онъ умѣлъ вселять въ своихъ пациентовъ: почти не приходилось встрѣчать примѣровъ, чтобы его пациенты отказывались отъ операціи, если профессоръ Грубе находилъ нужнымъ производство таковой; съ другой стороны, вѣра въ его искусство была такъ велика, что никакая операція не казалась невозможною въ его рукахъ, и многіе больные принимали его отказъ отъ операціи съ недовѣріемъ, не допуская, что существуютъ предѣлы и для его искусной руки.

Такое же вліяніе оказывалъ онъ и на своихъ слушателей и учениковъ. Самые исправные студенты при переходѣ на 4 курсъ начинали манкировать лекціями другихъ профессоровъ, потому что увлекались занятіями у профессора Грубе и засиживались въ его клиникѣ сверхъ академическаго времени. Дѣятельность въ его клиникѣ была всегда кипучая и его ординаторы, имѣя передъ глазами неутомимаго и вѣчно юнаго силами и душою учителя, работали до самозабвенія.

Завидная особенность Вильгельма Оедоровича заключалась въ любви къ наукѣ и научной литературѣ; въ литературно-медицинскихъ занятіяхъ состоялъ его отдыхъ отъ клинической и практической дѣятельности. Его прекрасное знаніе почти всѣхъ европейскихъ языковъ и постоянное научное общеніе съ большинствомъ европейскихъ ученыхъ медиковъ и хирурговъ, изъ которыхъ многіе, какъ покойный профессоръ Билльротъ и нынѣшній берлинскій профессоръ Бергманъ, были его лучшими друзьями, создали ему громкое и уважаемое имя въ Западной Европѣ, и это отражалось не только на его посѣщеніяхъ различныхъ ученыхъ центровъ, но и его ученики получали вездѣ самый радушный приемъ.

Вильгельмъ Оедоровичъ Грубе былъ новаторомъ въ хирургіи. Всѣ новѣйшія операціи и открытія, если они только могли служить къ усовершенствованію науки, могли облегчать участь страждущимъ, принимались имъ раньше всѣхъ въ Россіи. Онъ одинъ изъ первыхъ произвелъ въ Россіи овариотомію, листеровскій способъ перевязокъ и опе-

рацій, послужившій началомъ новой эры въ хирургіи въ Россіи, былъ принятъ въ клиникѣ профессора Грубе раньше, чѣмъ въ Германіи и во Франціи. Необыкновенно свѣтлый умъ и громадный опытъ давали ему возможность почти безошибочно предугадывать значеніе того или другого открытія, принимать существенное и давать ему надлежащее мѣсто; поэтому въ клиникѣ Вильгельма Оедоровича не замѣчалось вѣчнаго скаканія отъ одного способа къ другому, дѣло шло гладко, увѣренно, съ постепеннымъ и обдуманымъ переходомъ къ усовершенствованіямъ. Эта особенность его школы, передававшаяся его ученикамъ въ теченіе почти полувѣкового его служенія наукѣ, представляетъ одну изъ величайшихъ заслугъ нашего незабвеннаго учителя.

Служа Россіи и наукѣ въ качествѣ практическаго хирурга и преподавателя хирургіи, Вильгельмъ Оедоровичъ не всегда ограничивался этою ролью. Всякое общественное событіе въ предѣлахъ нашего отечества и за-границею, если только въ немъ приходилось принимать участіе хирургіи, вызывало его къ болѣе широкой дѣятельности. Онъ принималъ непосредственное и самое дѣятельное участіе во всѣхъ войнахъ за періодъ его жизни. Тысячи раненныхъ въ крымскую, франко-прусскую и нашу турецкую войну 1877 года обязаны ему спасеніемъ жизни и здоровья. Онъ не только самъ не сидѣлъ въ удобной домашней обстановкѣ во время общественныхъ бѣдствій, но и не позволялъ этого ученикамъ своимъ, разсылая ихъ въ разные концы арміи. Такъ, въ бытность мою ассистентомъ, я былъ командированъ профессоромъ Грубе сначала въ Сербію на театръ военныхъ дѣйствій, а по возвращеніи оттуда немедленно же и по настоянію Вильгельма Оедоровича отправился въ отрядъ генерала Геймана въ Малую Азію.

Педагогическая дѣятельность профессора Грубе такъ обширна и многополезна, что почти не поддается подсчету; достаточно сказать, что тысячи врачей, его учениковъ по всѣмъ концамъ отечества несутъ свою службу человѣчеству. Нѣкоторые изъ его учениковъ занимаютъ кафедры хирургіи въ Харьковскомъ и Кіевскомъ университетахъ, большая половина членовъ нынѣшняго медицинскаго факультета въ Харьковѣ составлена также изъ его учениковъ.

Вильгельмъ Оедоровичъ Грубе обладалъ необычайной эрудиціей и не въ узкомъ спеціальному отношеніи: онъ, будучи чистокровнымъ хирургомъ, былъ въ то же время и замѣчательнымъ врачомъ внутреннихъ болѣзней; онъ былъ прекрасный офталмологъ, опытный акушеръ и это то обширное и всестороннее медицинское образованіе придавало ему то значеніе, которое не допускало въ Харьковѣ возможности во всѣхъ серьезныхъ случаяхъ заболѣванія обходиться безъ участія про-

фессора Грубе: въ теченіи полулѣта онъ былъ неизбѣжнымъ и незаменимымъ консультантомъ для всего юга Россіи.

Городъ Харьковъ и Харьковский университетъ, гдѣ протекла вся его жизнь и которымъ онъ посвятилъ всѣ свои силы и способности, весьма многимъ обязаны Вильгельму Оеодоровичу. При его посредствѣ организовалось и получило въ даръ свои средства Харьковское медицинское Общество, которое нынѣ проявляетъ такую широкую гуманитарную дѣятельность, выдвинувшую его на первое мѣсто среди медицинскихъ Обществъ Россіи. Будучи первымъ его предсѣдателемъ, онъ въ теченіи всей жизни принималъ въ его работѣ самое горячее участіе, руководя его научною и общественною дѣятельностью съ умѣніемъ и талантомъ, свойственнымъ этой колоссальной натурѣ. Организация и дѣятельность Харьковского отдѣленія Краснаго Креста совершались при самомъ живомъ участіи профессора Грубе; до самаго послѣдняго времени онъ неустанно работалъ надъ расширеніемъ его дѣятельности, разрабатывая планы и проектъ устройства стаціонарной хирургической лѣчебницы при Красномъ Крестѣ. Дѣтище это, которое Вильгельмъ Оеодоровичъ лелѣлъ столько лѣтъ, ему не суждено было видѣть на своихъ ногахъ, хотя оно уже близко къ осуществленію. Наконецъ, самое важное дѣло, которое осуществилось при посредствѣ и благодаря личному вліянію профессора Грубе, это постройка новыхъ клиникъ въ Харьковскомъ университетѣ.

Старое зданіе клиникъ въ центрѣ города, тѣсное и мрачное, не соотвѣтствовало самымъ скромнымъ требованіямъ науки, и Вильгельмъ Оеодоровичъ всю жизнь скорбѣлъ надъ этимъ положеніемъ. „Если чего сильно захочешь, того достигнешь“ говоритъ пословица, и она оправдалась въ этомъ дѣлѣ. Памятное всѣмъ 17 октября 1888 г., поразившее весь міръ, для Харькова было знаменательнымъ въ томъ отношеніи, что привлекло къ нему вниманіе Нашего Великаго Монарха, который, при посѣщеніи раненныхъ, находившихся въ факультетской клиникѣ профессора Грубе, лично видѣлъ состояніе этого учрежденія и, послѣ доклада Вильгельма Оеодоровича, разрѣшилъ немедленно воздвигнуть новыя клиники.

Вильгельмъ Оеодоровичъ былъ фанатикомъ своего дѣла, любилъ его до самозабвенія, ежечасно рисковалъ своею жизнью и неоднократно платился тяжкими заболѣваніями. Достигнувъ всемірной славы, осыпанный милостями, осѣненный Высочайшимъ вниманіемъ, Вильгельмъ Оеодоровичъ не почивалъ на лаврахъ, но до конца жизни работалъ съ одинаковою энергіей и даже на смертномъ одрѣ не потерялъ интересъ къ научнымъ вопросамъ. Удивительно счастливое сочетаніе представ-

ляли его душевныя качества: при громадномъ умѣ и памяти, онъ отличался живостью характера, тонкимъ юморомъ и веселостью, что дѣлало изъ него незамѣнимаго собесѣдника въ обществѣ и очаровывало всѣхъ, кто только приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Эти свойства помогали ему переносить его тяжкій недугъ, конецъ котораго онъ сознавалъ хорошо самъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что послѣднее зараженіе, бывшее въ 1894 году, было причиною рокового исхода; съ этого времени онъ уже не могъ поправиться, хотя онъ не переставалъ работать, но роковой конецъ былъ назначенъ.

Какъ вѣрный солдатъ, онъ погибъ на своемъ посту, до послѣдней искры жизни защищая человѣчество отъ вѣковаго врага-болѣзни. Миръ праху твоему, дорогой и незабвенный учитель Вильгельмъ Ое-доровичъ!

Профессоръ А. Подрезъ.

При погребеніи были произнесены слѣдующія рѣчи: Испр. долж. ректора, деканъ физико-математическаго факультета, проф. А. С. Брю сказалъ слѣдующее:

„Дорогой и незабвенный товарищ! Прими въ этотъ скорбный и исполненный мрачнаго величія смерти моментъ — послѣдній привѣтъ человѣка, почти сорокъ лѣтъ тому назадъ получившаго возможность увидѣть начало твоей просвѣтительной дѣятельности въ Харьковскомъ университетѣ и тогда уже преклониться предъ обаяніемъ твоей богато одаренной личности и высокимъ значеніемъ заслугъ твоихъ предъ наукой и обществомъ. Свершился исполненный таинственнаго значенія и потрясающаго смысла жребій!... Навсегда закрылись свѣтящіяся энергіей и жизненнымъ огнемъ глаза; безсильно и беспомощно опустилась могучая, но покорная знанію рука, поразительное искусство которой не разъ вызывало невольную дань изумленія, даже въ корифеѣ—специалистѣ; остановилась дѣятельность глубокаго ума, казалось, всецѣло отданнаго интересамъ любимой науки, и вотъ—свѣжая могила готова уже принять къ себѣ одно изъ лучшихъ украшеній родного большинству изъ насъ университета. И взамѣнъ невознаградившей утраты безграничнаго сокровища ума, научнаго опыта и высокаго таланта, намъ остается нынѣ только этотъ дорогой прахъ, эти бранные останки высокочтимаго человѣка....

Да, незабвенный товарищъ, значеніе твое было громадно, во-первыхъ, какъ дѣятеля общественнаго: на многія сотни и тысячи верстъ, и здѣсь у насъ, и далеко, за предѣлами нашей родины, извѣстно было знаменитое твое имя. Всѣмъ извѣстна та высокая степень довѣрія къ

твоей опытности и знанію и благоволеніе, которыми осчастливилъ тебя въ Божѣ почившій Государь Императоръ Александръ III и которыя проявилъ Онъ къ тебѣ, особенно въ послѣднее время Своего царствованія.

Отнынѣ, въ лицѣ твоёмъ, общество утрачиваетъ одного изъ наиболѣе полезныхъ дѣятелей, одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ... Свершился жребій! Не остановится уже на тебѣ робкій, но исполненный надежды и ожиданія взоръ страдальца—пациента, съ глубокой увѣренностью, что твое научное знаніе и твое великое искусство сохранять ему жизнь и возвратить возможность снова пользоваться благами утраченнаго прежняго здоровья; не сверкнетъ уже отнынѣ въ признательномъ взорѣ матери и не упадетъ на твою руку жаркая слеза благодарности за благодѣяніе возврата къ жизни дорогаго сердцу челоуѣка:— все это исчезло, исчезло безвозвратно и на долю облагодѣтельствованныхъ тобою людей и почитателей твоихъ—осталась только свѣтлая память о тебѣ, твоёмъ знаніи и искусствѣ.

Но не только на поприщѣ практика-врача и искуснаго хирурга стяжалъ ты громкую извѣстность на обширномъ пространствѣ нашей родины; еще большее значеніе должно быть приписано твоей личности на поприщѣ научной дѣятельности и какъ представителю одной изъ важнѣйшихъ медицинскихъ кафедръ университета. Въ этомъ послѣднемъ значеніи дѣятельность твоя была особенно успѣшна и протекла, можно сказать, на глазахъ у многихъ членовъ изъ нашей университетской семьи. Твоею вѣчной и неизмѣнной заботой было стремленіе поставить преподаваніе своего излюбленнаго предмета на высоту знанія, соотвѣтственно послѣднему слову науки; для этой цѣли ты не щадилъ себя: ты до послѣднихъ дней пополнялъ свои и безъ того обширныя свѣдѣнія, ты постоянно увеличивалъ свою дорогую бібліотеку, ты совершалъ многократныя заграничныя поѣздки. Это стремленіе, можно сказать, прошло свѣтлой полосой, чрезъ всю твою исполненную труда и энергической работы жизнь.— За то, въ послѣдніе годы этой жизни ты имѣлъ возможность получить и нравственное удовлетвореніе. Благодаря заботамъ правительства о нуждахъ и потребностяхъ университетскаго преподаванія тебѣ предоставлена была возможность создать новое учрежденіе хирургической клиники и примѣнить твои знанія и опытность спеціалиста въ дѣлѣ ея созиданія. Всѣ мы были свидѣтелями той напряженной дѣятельности, той неутомимой энергіи, которыя ты, — непоправимо пораженный уже злымъ недугомъ, — неуклонно предъявлялъ въ этомъ дѣлѣ чуть не до послѣднихъ часовъ своей жизни. И уже угасая, вполне ясно сознавая всю неизбежность

приближающагося рокового исхода болѣзни, ты не переставалъ думать и заботиться о сдѣлавшемся для тебя роднымъ университетѣ и о дорогой своей клиникѣ.

Однимъ изъ послѣднихъ выраженныхъ тобою желаній было передать свою драгоценную специальную библіотеку Харьковскому университету, помѣстивъ ее въ новой хирургической клиникѣ. Такъ можетъ думать, такъ можетъ заботиться и желать только истинный сынъ науки, только настоящій членъ просвѣтительнаго учрежденія—университета. За то и имя твое останется навсегда связаннымъ съ созданнымъ тобою учрежденіемъ.

Пусть же, дорогой товарищъ, твой величавый образъ, какъ общественнаго дѣятеля, какъ ученаго, какъ профессора университета,—останется на долгіе годы свѣтлымъ явленіемъ въ исторіи культурнаго развитія нашего отечества. Пусть новые дѣятели,—люди таланта и любви къ наукѣ,—возрастутъ въ нашихъ университетахъ на славу и честь дорогой родины и пусть твоя свѣтлая личность станетъ для нихъ примѣромъ и блестящимъ образцомъ.

Миръ праху твоему, достойный человѣкъ, глубокій ученый и высокоталантливый профессоръ!....“

Проф. А. Г. Подрезъ произнесъ слѣдующее:

„Дорогой учитель! Неумолимая судьба исторгла тебя изъ среды нашей и положила предѣлъ твоей безцѣнной жизни. Господь призвалъ тебя на покой послѣ длиннаго ряда лѣтъ неустаннаго труда, не знавшаго отдыха и забвенія. Ты свершилъ великій подвигъ полувѣковаго служенія родинѣ на посту самомъ трудномъ, который доступенъ человѣку. Въ сознаніи честно выполненнаго долга ты можешь предстать предъ престоломъ Всевышняго, ибо твои таланты не зарыты въ землю, не истрачены бесплодно, но преумножены непрестаннымъ и плодотворнымъ трудомъ и обращены на благо народа; ты и насъ, учениковъ своихъ, снабдилъ частицами этого чуднаго дара и научилъ имъ пользоваться на благо человѣка.

Твоя могучая натура не могла уложиться въ узкія рамки практической и ученой дѣятельности, и въ маломъ ты сумѣлъ сдѣлать великое: въ тѣсномъ районѣ провинціального города ты посѣялъ столько пользы и знанія, что онѣ не вмѣстились въ немъ, вылились черезъ край и разлились широкимъ потокомъ по всей землѣ русской. Ты создалъ и руководилъ цѣлымъ рядомъ человѣколюбивыхъ учрежденій въ городѣ нашемъ, ты оказалъ цѣлый рядъ огромныхъ услугъ нашему родному университету, которому ты отдалъ всю жизнь, свои силы и

талантъ. Ты покинулъ насъ, но память о тебѣ не умереть, такъ какъ она связана съ нашей жизнью, ибо на каждомъ шагѣ, гдѣ доброе и полезное—тамъ и имя твое.

Медицинское Общество съ гуманитарной дѣятельностью, Красный Крестъ съ его широкими задачами даровой врачебной помощи, усовершенствованныя новыя клиники университета—это лучшіе твои памятники.

Твои труды и заслуги велики и государство и общество по своимъ силамъ вознаградило тебя при жизни: оно вознесло тебя на пьедесталь, осыпало твой могучій обликъ великолѣпной славой, но кто же вознаграждать тебя за ту невидную службу человѣчеству въ роли простого практическаго врача, которую ты такъ самоотверженно несъ польстолюбія: ты осушалъ слезы страждущимъ, своимъ искусствомъ ты спасъ тысячи дѣтей и возвратилъ ихъ родителямъ, родителей спасъ на благо дѣтямъ, семьямъ возвратилъ кормильцевъ... За это награды нѣтъ тебѣ на землѣ....

Ты покинулъ насъ въ сознаніи, что миссія твоя окончена:—посвященное тобою знаніе покрыло обширную ниву гуманнаго врачебнаго труда.

Спи же спокойно, дорогой наставникъ, сномъ праведника въ спокойной увѣренности, что мы, ученики твои—врачи и наставники врачей,—помнимъ нашъ девизъ, выраженный словами нашего незабвеннаго поэта:

„Иди къ униженнымъ, иди къ обиженнымъ—по ихъ стонамъ,
Гдѣ трудно дышется, гдѣ горе слышется, будь первый тамъ“.

Миръ праху твоему, дорогой учитель, да будетъ легка тебѣ земля, въ которую ты засѣялъ столько добраго“.

Ассистентъ факул. хир. клин. *М. М. Кузнецовъ* сказалъ слѣдующее:
„Дорогой учитель! Съ твоею смертью нашъ университетъ лишился одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ представителей, а студенты и мы—твой осиротѣлые ученики—талантливаго учителя и профессора.

Съ тобою сошелъ въ могилу человѣкъ, почти полвѣка высоко державшій знамя хирурга въ Россіи!

Имя твое пользовалось громкой и вполне заслуженной извѣстностью не только въ обширномъ отечествѣ нашемъ, но и далеко за его предѣлами. Ты во всемъ являлся для насъ образцомъ энергіи, неустаннаго трудолюбія и кипучей дѣятельности.

„Res, non verba“ служили девизомъ твоимъ въ жизни.

Карьера твоя съ самаго начала была быстра и блестяща.

24-хъ лѣтъ отъ роду ты уже имѣлъ степень доктора медицины и хирургіи.

31-го года, блестяще избранный по конкурсу, ты получилъ уже отвѣтственное и видное мѣсто директора факультетской хирургической клиники нашего университета.

Многочисленныя удачныя и смѣлыя операціи твои привлекали въ клинику толпы больныхъ, бѣдныхъ и богатыхъ, стекавшихся со всѣхъ сторонъ Россіи искать помощи и исцѣленія отъ своихъ недуговъ въ твоихъ искусныхъ рукахъ.

Древніе учителя медицины предъявляли къ хирургу требованіе оперировать быстро, увѣренно и хорошо—*tuto, cito et jucunde*.

Для того, чтобы оперировать *скоро*, необходимо имѣть прирожденную ловкость, хорошее зрѣніе, нѣжное осязаніе и отличную технику.

Чтобы оперировать *увѣренно*, необходимы—хладнокровіе и знаніе анатоміи.

Для того, чтобы оперировать *хорошо*,—нужно любить свое искусство и имѣть изобрѣтательный умъ.

Всѣми этими высокими качествами, необходимыми хирургу, ты, дорогой учитель, обладалъ вполнѣ!

Смѣло можно сказать, что ты приближался къ идеалу блестящаго и искуснаго оператора. Многія сложныя операціи произведены тобою впервые въ Россіи.

Нужно было видѣть тебя оперирующимъ въ такой опасной области, какъ шея, чтобы вполнѣ оцѣнить твое хладнокровіе и удивительную технику.

Живыя, исполненныя остроумія и тонкаго юмора лекціи твои еще памятны многочисленнымъ твоимъ ученикамъ, разбросаннымъ по всѣмъ и градамъ нашего огромнаго государства.

Неустанно заботился ты объ улучшеніи и расширеніи своей клиники и имѣлъ счастье видѣть ее въ новомъ, обширномъ зданіи.

Десятилѣтняя совмѣстная работа въ клиникѣ дала мнѣ возможность оцѣнить твой свѣтлый и разносторонній умъ, твой діагностическій талантъ и огромную клиническую опытность.

Злой недугъ—зараза, полученная тобою при операціи, преждевременно расшатала твой могучій организмъ и медленно подтачивала въ послѣдніе годы твои силы.

Но, какъ вѣрный своему долгу солдатъ, ты желалъ умереть на своемъ отвѣтственномъ посту.

Мы, ближайшіе свидѣтели тяжелой борьбы твоей съ роковой болѣзью, не могли не преклоняться предъ твоимъ мужествомъ, силой воли и самоотверженной преданностью дѣлу.

Задыхаясь, ты все же ѣхалъ въ дорогую тебѣ клинику и шелъ на операцію.

Мысль о необходимости провести остатокъ жизни безъ любимаго дѣла всегда тебя ужасала; не будучи уже въ состояніи работать, прикованный къ одру болѣзью, ты желалъ скорѣе умереть и призывалъ смерть—эту избавительницу отъ всѣхъ страданій.

Ты умиралъ мужественно, доблестно, спокойно.

Тебя не стало. Смерть смежила твои пронизательныя очи. Но ты оставилъ послѣ себя многочисленную семью учениковъ, среди которыхъ благодарная память о тебѣ, какъ о великомъ хирургѣ, останется навсегда.

Многолѣтняя и плодотворная дѣятельность твоя составитъ, безъ сомнѣнія, одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи нашего университета.

Прими же нашъ прощальный привѣтъ и великое русское и сердечное спасибо за всѣ твои заботы и попеченія о насъ.

Миръ твоему праху! прости и прощай на вѣки дорогой и незабвенный учитель....

Да будетъ тебѣ легка мать—сыра земля!"

Профессоръ Т. И. Богомоловъ.

† 29 іюня 1897 года.

Въ Пятигорскѣ неожиданно скончался на 55 году жизни экстраординарный профессоръ Тимофей Ивановичъ Богомоловъ.

Страдая артритическимъ діатезомъ и приступами грудной жабы съ нерѣдкими кровохарканіями, Тимофей Ивановичъ уже нѣсколько лѣтъ подрядъ проводилъ на группѣ Кавказскихъ минеральныхъ водъ ради поправленія своего довольно сильно расшатаннаго здоровья. Въ маѣ 1897 г. онъ также отправился на Кавказъ, гдѣ, особенно много волнуясь послѣднее время исходомъ экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости своего единственнаго сына, неожиданно пораженъ былъ удручающимъ извѣстіемъ о внезапной смерти своей жены въ Петербургѣ, куда и отправился немедленно ради отдаванія послѣдняго долга своей подругѣ жизни. По возвращеніи изъ Петербурга въ Пятигорскъ, 25 іюня Тимофея Ивановича, сильно разстроеннаго послѣднимъ событіемъ, внезапно пора-

зиль апоплексическій ударъ, и чрезъ четыре дня—29 іюня, въ 8 часовъ вечера, не приходя въ сознаніе, Тимофей Ивановичъ скончался, окруженный близкими, товарищами и друзьями.

Тимофей Ивановичъ Богомоловъ, сынъ извѣстнаго Харьковскаго купца, родился 28 апрѣля 1843 года. Получивъ прекрасное домашнее воспитаніе и окончивъ среднее образованіе во 2-й Харьковской гимназіи, Тимофей Ивановичъ въ силу своей особенной склонности и любви къ изученію природы поступилъ на естественный факультетъ Московскаго университета, по окончаніи котораго со степенью кандидата естественныхъ наукъ, желая продолжать свое специальное образованіе въ примѣненіи къ пользамъ страждущаго человѣчества, поступилъ своекоштнымъ студентомъ въ медико-хирургическую академію 15 сентября 1864 года, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью лѣкаря и награжденъ похвальнымъ листомъ 4 декабря 1868 года.

Непосредственно по окончаніи академіи Тимофей Ивановичъ былъ опредѣленъ на правахъ младшаго ординатора во 2-й военно-сухопутный, нынѣ клинический, госпиталь для усовершенствованія.

Выдающіяся способности и прекрасная естественно-научная подготовка Тимофея Ивановича обратили на себя вниманіе знаменитаго нашего учителя и профессора—клинициста, покойнаго Сергія Петровича Боткина, который поручилъ ему веденіе химическаго отдѣла въ своей клиникѣ.

За это время Тимофей Ивановичъ произвелъ серію научныхъ изслѣдованій и выпустилъ въ свѣтъ цѣлый рядъ сочиненій, въ которыхъ разработывалъ и проводилъ въ жизнь клиническую химію, въ то время почти еще не тронутую наукой.

Въ 1871 году профессоръ Богомоловъ получилъ степень доктора медицины и съ Высочайшаго разрѣшенія былъ командированъ съ научною цѣлью за границу. По окончаніи службы въ клиникѣ, Тимофей Ивановичъ былъ нѣкоторое время врачомъ Красносельскаго удѣльнаго госпиталя, затѣмъ старшимъ врачомъ Гатчинскаго госпиталя дворцоваго вѣдомства и наконецъ врачомъ Императорскихъ театровъ. Съ 1880 года по 1893 годъ Тимофей Ивановичъ состоялъ приватъ-доцентомъ военно-медицинской академіи, и съ 1 августа 1893 года г-мъ министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ медицинской химіи въ Харьковскій университетъ, гдѣ и оставался до дня своей кончины.

Не имѣя въ виду очерчивать полную жизнь, энергіи и творческой мысли ученую, служебную и общественную дѣятельность покойнаго Ти-

мофея Ивановича, въ краткой настоящей замѣткѣ можно лишь отмѣ-
тить, что, какъ въ своихъ лекціяхъ, такъ и въ многочисленныхъ на-
учныхъ трудахъ, посвященныхъ фізіологической и патологической хи-
міи, профессоръ Богомоловъ проводилъ излюбленныя идеи о великомъ
значеніи химіи въ діагностикѣ и клиникѣ человѣческихъ болѣзней, и,
оставивъ по себѣ добрую память, какъ о прекрасномъ товарищѣ и че-
ловѣкѣ, оставилъ и имя ученаго, извѣстное не только въ своемъ оте-
чествѣ, но и за границей.

Проф. А. Богдановъ.

